

С. Б. СОРОЧАН

МОЙ ДРУГ ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗУБАРЬ

*Самая недостижимая скорость –
это скорость останавливающегося сердца*

Дмитрий Щеглов

В ночь с 19 на 20 марта 2009 г. ушел из жизни выдающийся украинский антиковед Виталий Михайлович Зубарь. Ушел, не достигнув своего приближающегося 60-летия, остановившись на ходу, не дописав, не договорив, не доспорив, полный планов, задумок, к которым всегда была склонна его неумная голова. Кто-то из древних, кажется, Плавт, сказал, что неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое. За несколько часов до смерти я еще слышал в телефонной трубке его глуховатый, усталый голос, ободрявший меня, сочувствовавший, уверявший, что никто не знает, где кончается здоровье и начинается болезнь, и что проблем хватает у всех... Неумолимый закон, распределяющий успех и неудачу в пределах одной человеческой жизни, работал безотказно и здесь. Судьба дала все, все, кроме старости. Впрочем, с моей точки зрения, это идеально законченная жизнь, ибо конец нас ожидает один. Разница лишь в том, с чем мы приходим к нему.

Не хочется писать о покойном без живого слова, казенно – «родился», «учился», «работал», «посвятил», «занимался». Слишком остры гнет несчастья, боль утраты, особенно для таких, как я, кто долгие годы не просто знал Виталия Михайловича, но был его другом, добрым товарищем, сотрудничал и делил с ним радости и ненастья. Есть много способов выразить любовь. Воспоминания, идущие сквозь сердце, один из них.

Судьба свела нас в Харькове, где Виталий уже заканчивал истфак Харьковского государственного университета, тогда еще имени пролетарского писателя А.М. Горького, а я только поступил на первый курс того же факультета в 1971 г. У нас оказался и общий научный руководитель, античник, крупный специалист по истории Херсонеса Таврического, доцент Владимир Иванович Кадеев, автор известных “Очерков истории экономики Херсонеса Таврического в I - IV веках н.э.”, работавший в те годы над докторской диссертацией. Я принялся под его руководством увлеченно заниматься изучением херсонесских светильников, тогда как Виталий, со школьных лет без памяти влюбленный в археологию, писал дипломную работу о херсонесском некрополе первых веков н.э. (Рис.1) Я был приезжим в Харькове, а мой повый друг – коренным харьковчанином, родившимся в интеллигентной семье, жившей в скромной квартире на первом этаже старого двухэтажного дома в самом центре Харькова (Рис. 2).

Помню длинную деревянную веранду с деревянной же лестницей и просторную, просто меблированную гостиную комнату с несколькими письменными столами. Отец Виталия, Михаил Иванович Зубарь (1907 – 1992), многие годы преподавал на должности доцента в Харьковском институте культуры (Рис.3), нынешней Академии культуры, где его помнят до сих пор, и имел прекрасную библиотеку, украшением которой был полный Брокгауз и Ефрон. Спустя годы я получил в подарок часть этого наследия в виде богатой коллекции открыток по истории искусства, которой пользуюсь в своей работе до сих пор.

Наша жизнь обозначена бакенами, как морской фарватер. Происходящее с нами образует единую цепь, и она, в свою очередь, сковывает нас, даже тогда, когда судьба, на первый взгляд, разводит. Мы тоже на время расстались, и на достаточно долгий срок, в 1973 г. Виталий поступил в аспирантуру Института археологии АН УССР в Киеве, где его научным руководителем стал такой известнейший специалист, как профессор Алексей Иванович Терножкин, а я остался учиться в Харькове. Но связи наши не прервались, мы часто писали друг-другу, обменивались добытыми научными новинками, советовались. Виталий со всем рвением и страстью работал над херсонесскими погребениями, каждое лето пропадал в Севастополе, обмеривая, перемеривая, расчищая херсонесские могилы, склепы, в чем ему, в частности, помогал другой наш общий хороший знакомый, тоже выпускник харьковского истфака и ученик В.И. Кадеева, Станислав Григорьевич Рыжов, работавший в Херсонесском музее (в соавторстве с ним появится первая научная публикация Виталия в “Археологических открытиях в СССР за 1975 г.”). Я, сам севастополец, принимал участие в раскопках Херсонеса, проходил там археологическую практику и наблюдал, как Виталий организует уже свои экспедиции по исследованию западной части херсонесского некрополя, самой малоизученной. В фондах и архиве музея мы трудились часто вместе, каждый над своим, я, будучи аспирантом В. И. Кадеева, собирал материалы по истории торговли Херсонеса в I в. до н.э. – V в. н.э., а Виталий готовил кандидатскую диссертацию по теме “Некрополь Херсонеса Таврического в I – IV вв. н.э.”, которую защитил в 1978 г. Помню, он рассказывал с задором, как отбивался от оппонентов, особенно от вездливой Татьяны Николаевны Дашевской из Крымского отделения Института археологии АН УССР, парируя ее многочисленные возражения цитатами-ссылками из текста собственной диссертации. Одним словом, мы были молоды и поэтому, смотря на мир, думали, что все возможно.

Наша харьковская экспедиция постоянно работала с 1981 г. в портовом районе Херсонеса и мы тесно общались с коллегами из Киева, девять лет подряд, с 1980 по 1989 гг., из сезона в сезон работавших на западной оконечности городища в поисках гробниц (Рис. 4). Запомнились некоторые моменты раскопок подземных склепов, Виталий, сидящий на корточках перед входом в очередную погребальную камеру, и мы, остальные, с азартом набрасываю-

щиеся на извлекаемые из сырой тьмы находки, включая мои любимые светильники. Виталий неизменно консультировался о них у меня и столь же неизменно указывал на это в своих отчетах и публикациях. Он вообще был исключительно порядочен, а поэтому до крайности внимателен к сделанному другими, и никогда не забывал отмечать чужой вклад в своих работах. Потом пошли совместные статьи, главным образом, о новых материалах из западного некрополя, где моим приоритетом были опять-таки светильники. Одна из наших статей о роли светильников в погребальном обряде, вышедшая в 1984 г., получилась особенно удачной и не потеряла своего значения до сих пор. Помню, как мы долго компоновали ее, обменивались частями текста. Благо, приезды Виталия в Харьков оставались частыми, здесь сына всегда ждали старики родители. К слову, в семье Михаил Иванович, прекрасно знавший русский язык, говорил на украинском и, видимо, это обстоятельство, так сказать, эффект личного общения, сказался в отношении Виталия к украинскому языку, который он любил и старался где возможно, особенно после обретения Украиной независимости, применять, пеняя тем, кто этого не делал. Забегая вперед, скажу, что его всегда интересовала политика, и среди пылко настроенного братства Майдана стоял и он, отраженный в мутных зеркалах времени, завожженный единым дыханием мечты, мечты, увы, не сбывшейся и поэтому заставившей со временем стать более пессимистичным. “Поживем – увидим”, проносимое им с надеждой, сменилось в последние годы на горькое “Бог с ними”.

Возвращаясь к описанию сделанного, замечу, что вклад молодого исследователя в изучение херсонесского некрополя, как показало время, оказался неоценим. Вышедшая в 1982 г. книга остается до сих пор актуальной и ценна не только максимально полной типологией погребений, чем археологов не удивишь, но и первыми попытками представить пространственную организацию кладбища первых веков н.э. Долгие годы она продолжает быть востребованной и актуальной, несмотря на отдельные недоработки, отчетливее видимые теперь из дали времени. Лишь незадолго до смерти Виталия Михайловича появился фундаментальный труд его коллеги, докторанта Аллы Валерьевны Буйских, о пространственной организации античного Херсонеса, где была сделана попытка внести уточнения и дополнения к тому, что было достигнуто к началу 80-х гг. прошлого века. Пожалуй, кроме Г.Д. Белова и А.Н. Щеглова, больше никто не приближался к этой тематике столь близко.

С 1976 г. началась работа Виталия Михайловича в качестве младшего научного сотрудника в отделе античной археологии Института археологии АН УССР, отделе, который долгие годы возглавляет доктор архитектуры, член-корреспондент АН УССР Сергей Дмитриевич Крыжицкий. Вспоминаются их совместные приезды в Севастополь и кипучая энергия, деловитость Виталия, все время озабоченного новыми научными проектами, расходными сметами, поисками транспорта, организацией поездок по археологическим памятникам, бесконечными хлопотами сначала по новоостроечным экспедициям

Института археологии, а с 1980 г. – по херсонесской экспедиции. Последние вылились в Херсонесе в создание небольшой, но уютной собственной базы Института археологии с крохотными деревянными домиками, смотревшими на море. Теперь от них не осталось и следа, как и от самой базы, несколько лет просуществовавшей после того, как с 1990 г. прекратились регулярные археологические работы по исследованию западного некрополя.

Во время наших харьковских встреч мы могли общаться часами: Виталий любил за столом обсуждать результаты, скрупулезно, *pes plus ultra*, до мелочей строить планы работы, особенно совместной, оговаривать заранее наиболее спорные, дискуссионные места, по давней своей привычке скатывая при этом в тонкую трубочку листик фольги или целлофана от пачки сигарет. Так с этой трубочкой, перекатываемой в ладонях, он навсегда останется в моей памяти.

А обсуждать можно было многое. Виталий задумал и стал осуществлять проект своей докторской диссертации, которую он решил посвятить Херсонесу, но попытаться на сей раз на основании всех возможных источников охватить целиком его развитие от момента создания вплоть до поздней античности, причем рассмотреть все: политику, экономику, социальные отношения, этнический состав, идеологию, религию. Здесь было столько же по специальности “всеобщая история”, сколько по специальности “археология”. Замечу, что этой характерной особенностью будут отличаться все последующие труды Виталия Михайловича. Он старался смотреть на материалы любой научной проблемы максимально комплексно. Недаром образцом для него оставались труды корифея антиковедения Михаила Ивановича Ростовцева, светлой памяти которого он посвятил одну из своих книг.

На первый взгляд, задуманное было не просто велико, оно было дерзко, учитывая, что сравнительно не так давно была защищена докторская диссертация В.И. Кадеева и в 1981 г. на ее основе в Харькове вышла книга “Херсонес Таврический в первых веках нашей эры”, сразу же получившая признание специалистов. Первый вариант того, что сделал Виталий и дал на ознакомление мне, как и некоторым другим, в том числе Владимиру Ивановичу, не понравился. Помню, мы обменивались мнением с Кадеевым, который довольно резко отнесся к подготовленному. Но Виталий не сдавался, готовил новый вариант, улучшал текст, включал новые источники, рецензировал известные, особенно эпиграфические, перерабатывал горы новой литературы, западных изданий, к добыче которых он был особенно охоч. Диссертация на тему “Херсонес и Римская империя” была защищена в совете Института археологии в 1991 г., невзирая на отрицательное выступление В.И. Кадеева, члена совета, при ее защите. Это на долгие годы посеет отчуждение между бывшим учителем и его учеником, хотя со временем минет и это. Приезжая в Харьков, Виталий не избегал встреч, да похоже, и Владимир Иванович стал смотреть на сделанное несколько иначе.

Об этом сделанном можно было судить уже по книге “Херсонес Таврический в античную эпоху”, вышедшей в Киеве в 1993 г. Она охватила часть докторской диссертации и касалась изучения аграрных отношений, обмена и торговли, форм эксплуатации и социальной структуры, а также основных тенденций и особенностей социально-экономического развития этого античного центра с конца V в. до н.э. до второй половины V в. н.э. Видимо, в выборе верхней хронологической границы сказалась ориентированность моей кандидатской диссертации и монографии об экономических связях Херсонеса, вышедшей в 1989 г. в соавторстве с В.И. Кадеевым. В вопросах торговли упор действительно делался на выводы, материалы из этой книги и некоторые мои статьи, из которых наиболее удачной представлялась статья о торговле с населением Юго-Западной Таврики. Виталий Михайлович считал ее образцовой и неоднократно охотно использовал.

С этой книги, вышедшей в издательстве “Наукова думка” в мягкой обложке белого цвета, начинается плодотворный этап издания новых научных монографий по истории Херсонеса, которые даже у коллег-специалистов и всех, кто пользовался ими, получили условные названия по цвету обложек “черная”, “зеленая” и т.д. Уже в 1994 г. в Киеве появился “Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории”, а через четыре года “Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.)”. До сих пор нет лучших книг, к которым можно было бы отправить желающих выяснить любые стороны военного присутствия Рима в Северном Причерноморье. Полемичные, написанные с большой эрудицией, они, при всех имеющихся недостатках, спорных местах, надолго заняли свое лидирующее место и не только в постоянно пополняющейся “Херсонесиане”. Это были все те же разработки научной проблематики, начатые в докторской диссертации, но созданные уже на новом уровне, с привлечением обильной западной историографии. Начались сравнительно регулярные научные командировки за рубеж, поездки на международные конференции, симпозиумы в Германии, Австрии, Франции. Виталий Михайлович становился признанным специалистом-античником международного уровня и, конечно, среди тех, кто изучал Херсонес, эту его “песню песни”, которой он остался верен на всю жизнь.

Он делал то, что мог, и больше, брался за все, энергично, напористо. Остается поражаться его плодовитости как автора. Около трех десятков книг и больше трех сотен статей, публикаций, тезисов докладов вышли из под его пера, точнее, печатной машинки, которую с начала 90-х гг. вытеснил компьютер. Не выдерживая объема растущей информации, один ПК сменял другой. Объем этого наследия, в том числе оставшегося в личном электронном архиве автора, еще предстоит определить, ибо одна библиография работ достойна уважения. И это при том, что Виталий Михайлович был обременен массой иных хлопот, поручений научного характера, которые непрерывно возлагались на него и сжигали значительную часть его рабочего времени.

С 1990 г. он стал старшим, а с 1993 г. ведущим научным сотрудником отдела античной археологии Института археологии, много лет, с 1988 г. беспрерывно, возглавлял редакционно-издательскую работу Института, до последних дней жизни был ответственным секретарем журнала "Археология", которому старался придать международный авторитет, удержать на научной высоте. В редакции журнала сменялись сотрудники, в основном молодежь, шедшая в науку, а Виталий Михайлович оставался неким символом постоянства, стабильности, прочности, надежности. На него всегда можно было положиться, зная о неукоснительной, до шепетильности обязательности этого человека, редкой во все времена. Он не понимал и не хотел понимать как можно подвести, вовремя не ответить на письмо, задержаться с обещанным и настойчиво требовал того же от других.

Останавливаясь у него дома во время приездов в Киев, я неизменно видел его уже в семь часов сидящим за компьютером, что-то набирающим, правящим, редактирующим. Отдыхающим не помню. Отдыхом становилась просто смена формы деятельности. Он непрерывно слал электронные письма своим многочисленным корреспондентам и, если в какой-нибудь из дней от него не было послания, это начинало удивлять и тревожить. Видимо, силу для такой работы давало не только собственное желание, но и отношения сердец, налаженный домашний быт, организованный во многом благодаря заботам Наталии Сон, коллеги по работе, ныне заведующей научными фондами Института археологии, тоже специалиста-античника, ставшей его женой 28 января 1976 г. Сначала жили в полученной от Института однокомнатной "гостинке", где 11 октября 1980 г. родился сын Миша, а потом в трехкомнатной квартире на окраине Троєщини, где у Виталия Михайловича уже был свой кабинет. Шла жизнь, умер в Харькове отец, переехала к сыну мать, Елена Витальевна Коробко (4. 08. 1910 - 16. 04. 1996), которая, прожив несколько лет в Киеве, умерла здесь, в новой квартире. Рос Миша, который хорошо помнил летние экспедиционные времена, проведенные в детстве с отцом, и который с отличием окончив в 2002 г. истфак Киевского национального университета, выбрал свою стезю журналиста. Даже житейские хлопоты не в силах были помешать работе, оставляли дом душевно теплым, вселяли самоощущение покоя, благополучия, постоянства, без которых успешное творчество крайне сложно. Счастье, как и здоровье, не замечаешь, когда оно есть. Теперь эти семейные фрагменты, такие яркие, полные красок, будут выцветать, блекнуть, сереть, уходить в даль прошедшей, невозвратимой жизни, среди которой я вижу себя во время очередного приезда за старинным круглым столом на небольшой уютной кухне, сидящим рядом с Виталием, и угасающий свет дня за окном с подступившими многоэтажками.

С конца 80-х гг. Виталий с головой ушел в давно интересовавшую его тематику истории христианства в Херсонесе. Уже в 1988 г. он написал вместе с Юрием Витальевичем Павленко, ныне известным доктором философии, по-

пулярную книгу “Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси”, которая стала своеобразной пробой пера. Будучи со студенческих лет дружен с Валерием Федоровичем Мещеряковым (1947 - 2002), очень талантливым человеком, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского университета, участником наших экспедиций в Херсонес, Виталий Михайлович подхватил и развил его тематику исследований религий и культов Херсонеса. Так, в 1991 г. к XVIII международному конгрессу византистов он опубликовал в изданном в Киеве сборнике “Византийская Таврика” объемную статью об утверждении христианства в Херсонесе, ставшую для него в дальнейшем программной. Основные научные положения ее он неизменно отстаивал до конца своих дней, будучи убежденным сторонником позднего, не ранее конца IV в., принятия новой религии языческим в своей основе городом. Итогом этого направления исследований стала еще одна классическая научная и в то же время доступная по форме книга “От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)”, написанная в соавторстве с Алексеем Игоревичем Хворостяным, спонсором издания книги, появившейся в Киеве в 2000 г. Она охватывала историю процессов христианизации как Западного, так и Восточного Крыма, то есть территориальные рамки этого исследования простирались от Херсонеса до Боспора. Следует учесть, что Виталий Михайлович с большим увлечением занимался историей античного Боспора, в раскопках малых городов которого, в частности, Мирмекия, участвовал уже школьником, работая в экспедиции прославленного античника Виктора Францевича Гайдукевича (в домашнем архиве сохранились письма Гайдукевича), написал о Боспоре несколько научно-популярных книг и брошюр, в том числе в соавторстве с коллегой по отделу в Институте археологии, доктором исторических наук Анной Станиславовной Русаевой, признанным специалистом по истории религии античных государств Северного Причерноморья (Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев: Возможности Киммерии, 1998; На берегах Боспора Киммерийского. Киев: Стилос, 2004). Примечательно, что одной из последних опубликованных при жизни крупных работ стала академическая научная монография “Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории”, изданная в 12-м выпуске “Боспорских исследований” в 2006 г. в соавторстве с известным крымским археологом, доктором исторических наук Виктором Николаевичем Зинько, у которого в экспедиции на раскопках в Керчи он не раз бывал.

С 2000 г. Виталий Михайлович стал проявлять все больше внимания памятникам юго-восточного Крыма, не раз приезжал в Судак, помогал директору музея “Судакская крепость”, своему доброму другу Александру Михайловичу Фарбею и словом, и делом, в частности, организовать издание получившего признание среди специалистов “Сугдейского сборника”. Его третий выпуск увидел свет в 2008 г., будучи презентован в Судаке на сентябрьской

конференции, организованной Национальным заповедником “София Киевская”, последней, на которой Виталий Михайлович побывал в Крыму. Во всем этом видны попытки исследовательским взором охватить всю панораму Северного Понта, “забираясь” не только на Боспор, но и в Ольвию, Тиру. К тому же раскопками и исследованием Тиры многие годы занималась его супруга, кандидат исторических наук, с которой он написал небольшую научно-популярную книгу “Греки и римляне в Нижнем Поднестровье”, вышедшую в Киеве в 1996 г.

Вообще, интерес к популяризаторству научного наследия самого серьезного уровня у Виталия Михайловича присутствовал всегда, проявляясь в написании соответствующих статей в периодической печати, в выступлениях по радио, съемках телевизионных передач и фильмов о Херсонесе, изготовлении буклетов, карт археологических памятников, интерактивных электронных изданий, из которых наиболее удачными были посвященные памятникам Херсонеса, особенно редким херсонесским христианским расписным склепам, два из которых он раскапывал в 1998 - 1999 гг. в составе совместной экспедиции с австрийскими археологами во главе с Ренатой Пиллингер. В 1997 г. в издательстве “Наукова думка” с посвящением памяти своим родителям он выпустил для широкого круга читателей книгу “Херсонес Таврический. Основные этапы исторического развития в античную эпоху”, которая на 120 страницах давала возможность любому, интересующемуся историей, представить всю античную эпопею Херсонеса в тысячелетнюю эпоху VI в. до н. э. – VI в. н.э. На следующий год в фундаментальном трехтомном коллективном труде “Давня історія України”, изданном к 80-летию Института археологии АН Украины, во втором томе, посвященном скифо-античной эпохе, появились разделы о Херсонесе Таврическом, Боспоре и Ольвии в первые века н.э., написанные Виталием Михайловичем, а в престижной серии книг “Україна крізь віки” раздел, посвященный Херсонесу в популярной монографии “Античные государства Северного Причерноморья”, созданной в соавторстве с С.Д. Крыжицким и А.С. Русяевой. Именно эти издания стали основой для задуманной вместе со мной и директором Национального заповедника “Херсонес Таврический” Леонидом Васильевичем Марченко оригинальной работы, вылившейся в итоге в пространную книгу “Жизнь и гибель Херсонеса”, которая оказалась написана достаточно легко, я бы сказал, романтично, без академической мудрености, сухости и получила признание самого широкого круга читателей, начиная с любителей и кончая серьезными специалистами. К настоящему времени издательства “Майдан” и “Библекс”, в Харькове и Севастополе, выпустили три ее издания в 2000, 2001 и 2006 гг., а также в киевском издательстве “Вища школа” остается сданной в печать еще одна подобная книга под заголовком “Херсонес Таврический. Путь через века”, которая в отличие от предыдущих снабжена большим количеством цветных фото и иллюстраций.

Уже с первого издания стало ясно, что это не легкая беллетристика, но, напротив, первая попытка самым серьезным образом, максимально оставая-

ясь на научных позициях, охватить всю историю Херсонеса от возникновения апойкии до полного прекращения существования города в XV в., причем охватить с учетом современных достижений исследователей, новых концептуальных положений, гипотез, некоторые из которых к тому времени еще не были апробированы в серьезной, специальной научной литературе. Виталий предложил для развития успеха издать еще одну совместную книгу “Херсонес-Херсон-Корсун”, которую мы задумали как своеобразный путеводитель по городищу без экскурсовода, точнее, как книгу, заменяющую экскурсовода. Предполагалось, что в дальнейшем на ее основе будет создан видеофильм, распространяемый на электронных носителях. Книга появилась в Киеве в 2003 г., а уже через два года мы закончили еще одну совместную популярную работу “У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера”, изданную тем же издательским домом “Стилос”. Книга раскрывала основные этапы исторического развития Херсонеса и юго-западного Крыма в последней четверти III – VI вв., как и прежде, подав эти этапы через максимально непредвзятый авторский взгляд. Виталий особенно увлеченно работал над этой книгой, рылся в завалах собранных иллюстраций, подбирая фотографии, рисунки, теребил с поисками оригинальных эпитафий к главам и один из них, стихи нашего коллеги, участника херсонесских раскопок, директора харьковской Школы искусств Алексея Фомина, из сборника “Границы” с особым удовольствием вынес на обложку:

Мы стражи стен, построенных не нами.

Мы страшики по древним городам,

Где Слово Вечной Жизни сами

Апостолы провозвестили нам.

И братство наше больше дней земных

Мы археологи Евангелий святых.

Виталия Михайловича нельзя было отнести к числу людей горячо верующих. Он, скорее, подходил к христианской тематике как глубоко заинтересованный ученый, который пытается расколоть разумом веру, пройти по ней как по тонкому слою льда, не провалившись. Впрочем, может быть, это обстоятельство и спасало его от конфессиональной зашоренности, делало взгляд раскованным, помогало искать ответы на весьма деликатные вопросы. Он не признавал безоговорочные авторитеты и не хотел действовать, жить и умирать, так сказать, на веру, в кредит. В предисловии к этой книге остались следующие, как мне кажется, многое объясняющие слова: “...Мы хотим знать, как это было. Знать без гипноза фанатизма, без фальши, без ревности знать Истину, ту самую, что завещал свидетельствовать Иисус Христос; “...всякий кто от истины, слушает гласа Моего” (Иоанн, 18: 37)”.

Соавторство не останавливало работы над другими, собственными книгами, многочисленными статьями. Особо запомнился увлекательно написанный пространственный очерк “Херсонес - Херсон: от Ифигении до Христа”,

стоивший целой книги, опубликованный в одном из первых выпусков украинского культурологического альманаха “Хроніка” в 2000 г. Как первую часть к книге о христианстве в Херсонесе и Таврике IV – VII вв., Виталием Михайловичем был задуман и издан “Стилосом” в 2005 г. научно-популярный экскурс “Боги и герои Херсонеса”, который давал возможность взглянуть на сложный мир языческих верований обитателей этого античного центра, их представлений о жизни и смерти. И все это делалось на фоне самой активной работы над плановой научно-исследовательской работой, по которой киевским издательством “Шлях” в 2004 г. была издана монография “Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху” и которая была посвящена проблеме характера непростых взаимоотношений херсонеситов с варварским окружением, таврами, сарматами, германцами на протяжении V в. до н.э. – V в. н.э.

Но самым большим делом Виталия Михайловича и, пожалуй, не только его, но и всех, кто принял в нем участие, стал проект грандиозного издания, задуманный нами еще до того, как в 2000 г. появилась “Жизнь и гибель Херсонеса”. Собственно, эта судьбоносная для нас книга и подтолкнула к идее создать сугубо научный, весомый академический труд, который подвел бы итоги более чем столетнего исследования Херсонеса и по частям, по томам, дал бы максимально полное представление о достигнутом, помог бы наметить новые задачи, перспективы для дальнейших исследований и тем облегчил бы их. Идея казалась очень привлекательной, но страшила своей масштабностью, чудовищным объемом работы. Решено было, что Виталий будет курировать античную часть издания, а я средневековую. Разумеется, мы предполагали привлечь всех, заинтересованных в таком труде. Руководство Института археологии НАНУ не пришлось уговаривать, да и дирекция Национального заповедника “Херсонес Таврический” одобрила нас, а, значит, проект получил поддержку и Министерства культуры Украины, очень важную для финансирования такого уникального издания. Уникального не только для Херсонеса. В мире не так много памятников истории, которые удостоились такого полного научного освещения в сквозной серии фундаментальных книг, прослеживающих их судьбу с момента возникновения до полной гибели. Так, по мере готовности в свет стали выходить тома монографий “Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э.” (Киев: Академперіодика, 2005), “Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э.” (Харьков: Майдан, 2004)., “Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)” (Харьков: Майдан, 2005). Все они имели одинаковый подзаголовок “Очерки истории и культуры”, отличались внушительным объемом, каждый раз колебавшимся в пределах 50 - 100 печатных листов, и были богато иллюстрированы. К работе были привлечены как сотрудники Института археологии НАНУ, так и сотрудники НЗХТ, российские коллеги. К настоящему времени осталось сдать в печать последний, подготовленный том, посвященный позднему Херсонесу - Херсону (вторая половина X - XV вв.), издание которо-

го состоится, видимо, в России. Его курирует профессор кафедры истории средних веков МГУ Андрей Владимирович Сазанов, привлечший к созданию этой завершающей монографии как крымских, так и московских специалистов, международный коллектив. В редакционный совет издания вошли свыше десятка известных специалистов под председательством директора Института археологии НАНУ академика Петра Петровича Толочко. Но душой всего мероприятия был, конечно, Виталий Михайлович Зубарь. Он не только писал текст своих разделов, но и редактировал все его части, подталкивал работу, все время настойчиво теребил ее участников, не давая ей остановиться ни на миг. Без его кипучей энергии, напористости и энтузиазма столь великий труд, вобравший в себя опыт творческой жизни массы историков, археологов, десятки лет занимавшихся исследованием Херсонеса, вряд ли оказался бы завершен. Это еще один памятник, который Виталий Михайлович возвел не только для себя, но и для того, чтобы помнили всех тех, кто посвятил себя Херсонесу, а, значит, памятник самому Херсонесу, его бессмертной душе.

Наверно, не случайно и то, что в последние годы все большее внимание Виталий Михайлович начал уделять историографии, оценке того, что было сделано предшественниками. Шло закрытие им еще одной глобальной исследовательской темы. Здесь первым объектом стала история раскопок и некоторые итоги изучения хоры Херсонеса на Гераклеяском полуострове с момента присоединения Крыма к Российской империи и до начала XXI в. Монография, выпущенная в 2007 г. издательством "Стилос", получилась на редкость полемичной, полной критического задора, указаний на недоработки коллег и вызвала неоднозначную реакцию у специалистов. Не место оценивать ее в очерке, который претендует быть скорее воспоминанием, чем исследованием. Время все расставит по своим местам, ибо для таких вещей нужна дальность зора. Как писал апостол Павел: "Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится".

Скажу лишь, что Виталий Михайлович мог быть весьма тяжелым, сложным, недоброжелательным оппонентом, когда его искренность, открытость, принципиальность принимались за резкость, менторство, интриги, если не большее. Склад его ума и дарования располагал его преимущественно к критической работе. Именно это обстоятельство позволяло ему держать высокий уровень исследований античного Херсонеса, быть бескомпромиссным. Конечно, это не могло не раздражать. При всем том он умел дружить той дружбой, которая может простить все и которая никогда не опустошает сердце. Его юмор и повадки, привычку подтрунивать запомнили многие, и забавные, смешные или комические моменты, пережитые совместные приключения, выпивки еще долго будут темой для легендарных баек, мифов, чем-то похожих на анекдоты, воспоминаний с нежностью и тоской в кругу с годами все более редящихся знакомых. Перефразируя Марка Твена, можно сказать, что по характеру он был скорее молодым щенком, чем старой райской

птицей. Условность и коварство возраста не превратились в каменный мешок. Казалось, он порхал из возраста в возраст, оставаясь в некой усредненной поре. Прожитые года не ложились гнетом. Даже лицо его, удивительно молоджавое, часто светилось лукавством глаз и как бы подзадоривало собеседника. Он бывало подолгу и со вкусом враждовал кое с кем из коллег, получал, вел затяжные войны на научном поприще войны, надо сказать, никогда не переходившие с его стороны на личности, на шельмование, на хамство. Сам Виталий не помнил обид. Он не был злопамятен. Его ершистый, необычайно въедливый, сложный и в хорошем, и в плохом смысле характер знали и не все выдерживали, как и вечную воркотню, так что порой вокруг образовывалась пустота из оскорбленных самолюбий, но, как ни странно, при этом круг общения не сужался, и даже обиженные со временем опять начинали если не сотрудничать с ним, то и не враждовать. Видимо, прав был Зигмунд Фрейд, когда заметил, что “всей правды о себе не вынесет никто”. Лучше не объяснять такие нюансы. Ясно лишь, что тот, кто мог проникнуть под эту затвердевшую личину неудобного человека, преодолеть ее замкнутый круг, увидеть сквозь слепок просвечивающую душу, начинал по настоящему, без фальши и лицемерия, понимать и любить его. Ясно и то, что таких не могло быть много.

Думаю, что последняя, посмертно изданная книга Виталия Михайловича, “Летопись археологических исследований Херсонеса - Херсона и его округа (1914 – начало 60-х гг. XX в.; 60-е гг. XX в. – 2005 г.)”, в которой и мне удалось поучаствовать как одному из первых ее читателей и рецензенту, тоже будет воспринята неоднозначно. Монография, задуманная как большая книга в двух томах, появилась весной 2009 г. в вып. 6 Supplementum к “Материалам по археологии, истории и этнографии Таврии”. Она оказалась своеобразным завещанием Виталия Михайловича, завещанием, оставленным всем нам, исследователям, продолжающим жить, работать и поэтому еще могущим сделать что-либо полезное на бесконечном пути изучения Херсонеса. Ведь счастлив не тот, кто достиг, счастлив тот, кто достигает. Виталий был именно таким достигающим, не останавливающимся. Человеком, который не жил за счет инерции успеха, шлейфа предыдущих побед. Симметрия этого успеха во всем и всегда оставалась полной и зиждилась на готовности подставить плечо под любое новое дело.

Трудно перечислить всех, с кем он сотрудничал, работая над отчетами, публикациями, статьями, рецензиями. Он многие годы, начиная с 1996 г., помогал мне своими консультациями на раскопках херсонесской цитадели, вместе с Инной Анатольевной Антоновой (1927 – 2000), незадолго до ее смерти, успел обобщить сделанное здесь, не дать пропасть накопленным бесценным материалам, а с начала 2009 г., выполняя поручение дирекции Института археологии НАНУ, стал активно заниматься организацией комплексной экспедиции вместе с Керченским историко-культурным заповедником, чтобы в условиях новых требований Полевого комитета

координировать исследования украинских и российских специалистов в Восточном Крыму, договариваться о совместных археологических проектах. Можно лишь посочувствовать тому, кто в дальнейшем взвалит на себя эту хлопотную ношу, да и другие проблемы, которые Виталий Михайлович закрывал собой, энергично трудясь и требуя этого же от коллег, заводясь сам и заводя других. Жизнь всегда драматична и всегда состоит из сплетающихся и разбегающихся в стороны неиспользованных возможностей линий судьбы, бесчисленных “мог”, “должен был”, а в итоге выливается в спрессованные жесткими редакционными требованиями строки в некрологе или в библиографическом словаре, равнодушно суммирующих эти переплетения.

Я не берусь описывать иную многотрудную работу Виталия Михайловича, связанную с заседаниями в различных советах, включая экспертную комиссию ВАК Украины, с подготовкой аспирантов, их защитами, одна из которых состоится в Национальном университете им Т. Шевченко уже после его смерти (Рис.5). Начатая в молодости преподавательская работа, сначала учителем истории в харьковской школе №57 в 1972 – 1973 гг., а на следующий год преподавателем-почасовиком на кафедре древней истории и археологии Харьковского госуниверситета, потом, оборвавшись надолго, возобновилась и достаточно активно в зрелом возрасте. С 1998 г. Виталий Михайлович преподавал на должности профессора в Киевском национальном университете культуры и искусств (до 2002 г.), а также в Славистическом университете и особенно плодотворно в университете “Киево-Могилянская академия”, издавал рабочие программы, вел научно-исследовательский семинар, читал курсы по античному памятниковедению, методике музеефикации археологических памятников, специальным историческим дисциплинам, истории античных городов Северного Причерноморья, римскому присутствию в Северном Причерноморье, ежегодно возил археологические практики студентов-магистров в Херсонес, где они проходили на базе американской археологической экспедиции, возглавляемой профессором Техасского университета Джозефом Картером, ценившим и уважавшим Виталия Михайловича Зубаря. К слову, прославленную фамилию знали практически все участники экспедиций, включая школьников, шептавших друг другу: “А ты знаешь, кто это прошел? Зубарь!”. И даже прозвище “Слон”, которым острая на язык археологическая братия одарила обладателя отнюдь не слоновьей фигуры, звучало неким символом величия и неумной пробивной силы. Что сказать? Такая судьба не знает забвения даже среди тех, кто принимает то, что есть, и не догадывается о том, чего лишился.

Учебная работа Виталия Михайловича вылилась в пособие “Античний світ Північного Причорномор'я”, предназначенное для студентов исторических специальностей высших учебных заведений Украины, которое он издал под грифом Министерства образования Украины в 1999 г. в соавторстве с Наталией Сон и Евникой Линевой, в то время начальником отдела

инспекции Управления охраны культурного наследия Министерства культуры и искусств Украины. Довелось ему участвовать и в создании одного из первых, тоже рекомендованных Министерством образования Украины, пробных учебников по истории древнего мира для школьников 6 класса, который в соавторстве с известным археологом Екатериной Бунятян и учительницей Светланой Селицкой был издан в 1997 г. киевским издательством “Либідь” и оказался очень удачным как по содержанию, стилю, так и по иллюстративному оформлению. Всего не перечесать.

Этот вспомнившийся мне учебник завершается на обороте обложки словами Марка Туллия Цицерона: “История воистину свидетель времени, свет истины, жизнь памяти”. Той памяти, частью которой стал сам Виталий Михайлович Зубарь, оборвав свои земные труды. И только этой памятью, памятью любящих, мы можем отогреть холод той вечности, в которую он ушел.

Рис. 1. В.М. Зубарь на Всесоюзной студенческой конференции. Москва 1972 год.

Рис. 2. В. М. Зубарь в школьные годы.

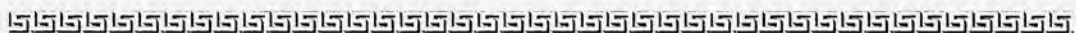

Рис. 3. М. И. Зубарь и Е. В. Коробко – родители В. М. Зубаря. Начало 50-х годов.

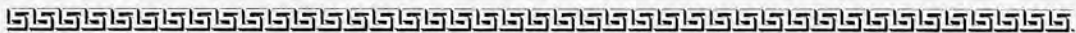

Рис. 4. В. М. Зубарь с сыном и коллегами в Херсонесе. 1987 г.

Рис. 5. В. М. Зубарь на защите кандидатской диссертации Э. А. Кравченко.

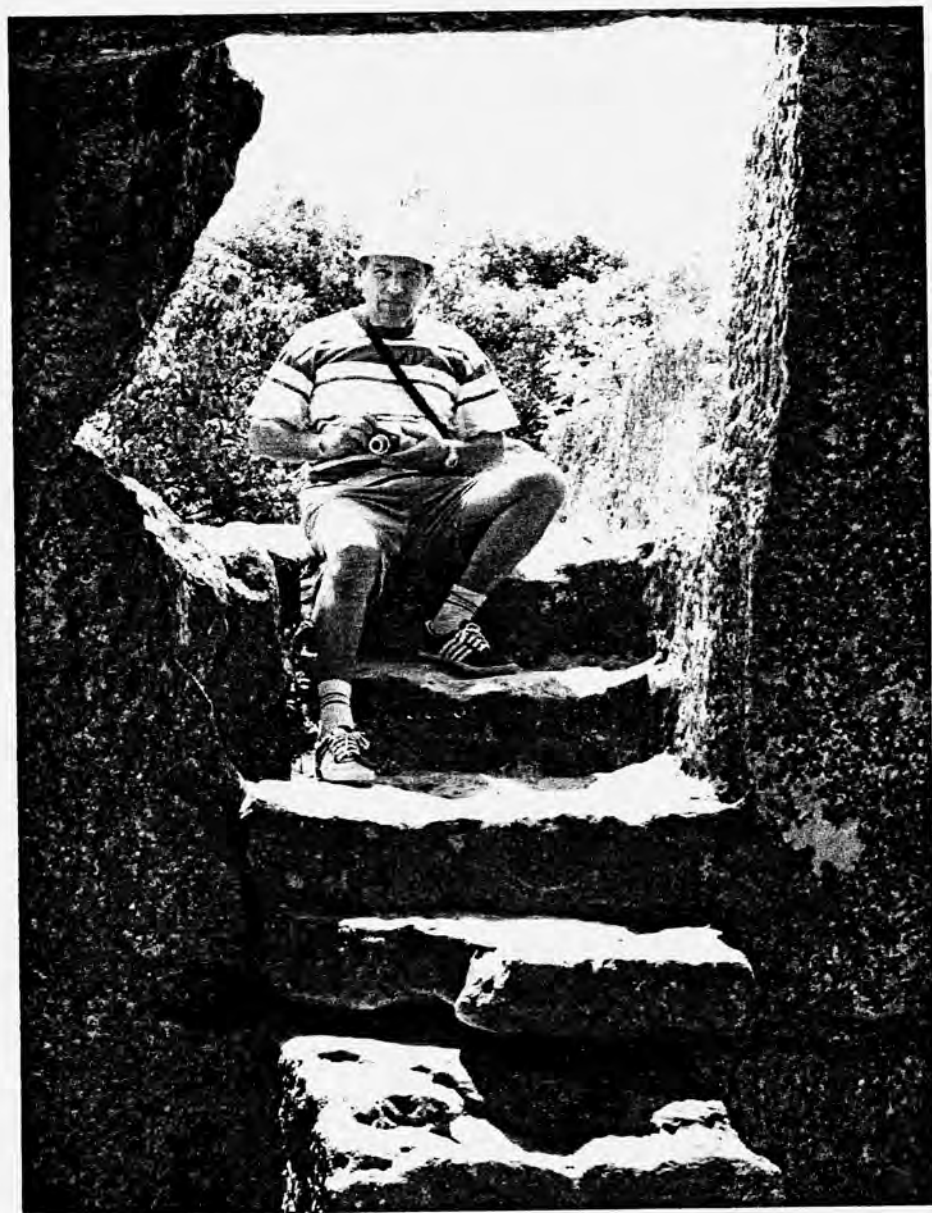
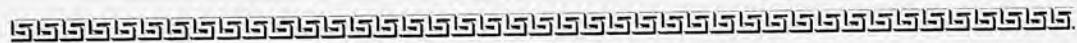

Студенты магистерской программы НаУКМА на археологической практике в Херсонесе. В нижнем ряду: Пол Артур, член Британского археологического общества, профессор университета г. Лече (Италия); Л. В. Седикова, заместитель генерального директора Херсонесского заповедника; В. М. Зубарь. 2001 год.

В. М. Зубарь проводит экскурсию по Херсонесу. 2006 год.

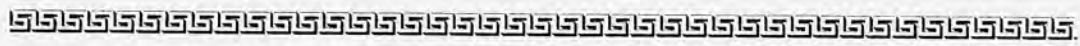

Мангун. 2007 год.

Инструктаж перед подъемом на Мангуп. 2006 год.

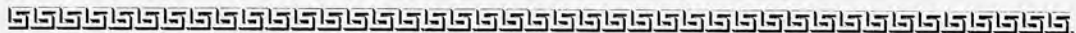

Раскопки склепа с полихромной росписью
на территории некрополя Херсонеса. 1999 год.

В. М. Зубарь. Херсонес. 2008 год.

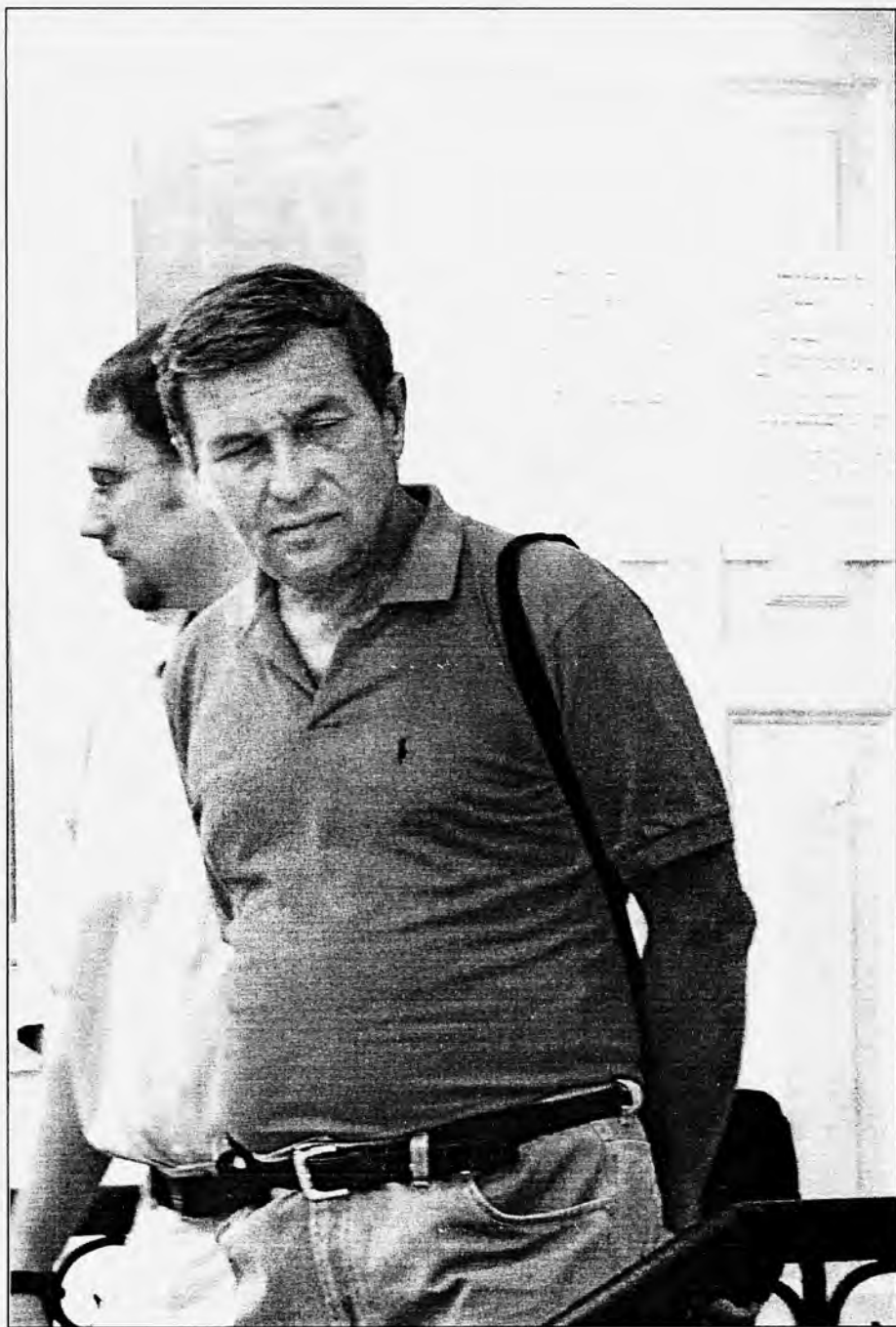

В. М. Зубарь, В. Н. Зинько и Е. А. Зинько.
Керчь. Фонд «Деметра». 2008 год.

В. М. Зубарь и Крис Клир, консультант реставрационного проекта
Института классической археологии Техасского университета. Херсонес. 2006 год.

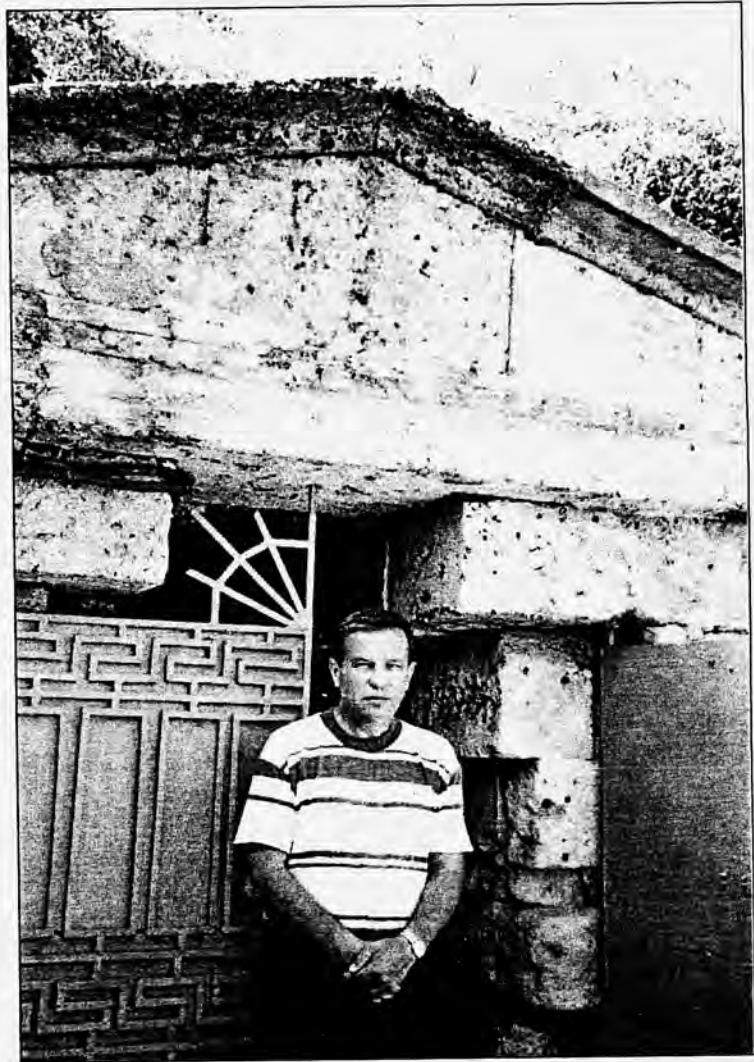

В. М. Зубарь и Адам Рабинович, заместитель директора Института классической археологии Техасского университета. Херсонес. 2008 год.

Хора Херсонеса. 2008 год.

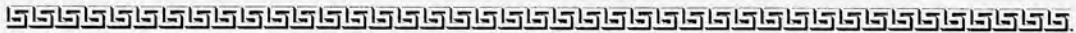

Керчь. У входа в Мелек-Чесменский курган. 2002 год.

Любимая скамеечка. Херсонес. 2006 год.

Преподаватели магистерской программы
по археологии. НаУКМА. Выпуск 2002 года.